

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Суп из колбасной палочки

1. Суп из колбасной палочки

– Ну и обед был вчера! – рассказывала старая мышь другой, не участвовавшей в пире. – Я сидела двадцать первой от самого мышиного царя, – место довольно почётное! Блюда, скажу я вам, были подобраны прекрасно! Затхлый хлеб, жирная кожа от окорока, сальные свечи и колбаса, а потом то же самое с начала, – как будто два раза пообедали! Настроение за обедом было самое оживлённое, болтали всякий вздор, – совсем как в семейном кружке! Съедено было всё до крошки; одни колбасные палочки остались. О них-то и зашла речь, т. е. собственно о супе из колбасной палочки. Кто не слышал о нём, но кто едал его, не говоря уже о том, кто умел его готовить?! Был предложен прелестный тост за изобретателя супа: сказали, что он заслуживает быть попечителем бедных! Остроумно, не правда ли? А старый мышиный царь встал и объявил, что сделает царицей ту из молодых мышек, которая сварит ему из колбасной палочки самый вкусный суп. На подготовку и размышление даётся целый год!

– Недурно! – заметила собеседница. – Ну, а как же варят этот суп?

– Да, то-то вот и есть! Об этом-то и спрашивают наперерыв все мышки – и молодые, и старые. Каждой хочется стать царицей, а

вот побеспокоить себя, походить по белу свету, да поучиться стряпать этот суп ни одной не хочется, а надо! Да, не всякой-то по плечу оставить семью и насиженный уголок! На чужой стороне, небось, не всё по сырным коркам придётся ходить, не всё свиное сало нюхать, нет, придётся и поголодать, а, пожалуй, и угодить в когти кошке!

Вот эти-то мысли и удерживали молодых мышек от странствования по белу свету. Вызвались пуститься в поиски за знанием только четыре молодые, юркие, но бедные мышки. Каждой предстояло отправиться в одну из четырёх сторон света, а там уж всё зависело от счастья! Каждая запаслась в дорогу, вместо дорожного посоха, колбасною палочкой – для памятованья о цели путешествия.

Первого мая они отправились в путь и первого же мая ровно через год вернулись, но только три, четвёртая не явилась и не дала о себе знать, а день явки настал.

– Увы! к лучшим нашим удовольствиям всегда примешивается капля горечи! – произнёс мышиный царь, но всё-таки отдал приказ созвать всех мышей – и ближних, и дальних.

Все должны были собраться в кухне. Три мышки-странницы стояли в ряд, отдельно от прочих; на месте же отсутствующей четвёртой водрузили колбасную палочку, обвитую чёрным крепом. Никто не должен был высказывать своего мнения, пока не выскажутся все три мышки, а мышиный царь не объявит, что должно быть сказано дальше.

2. Что вынесла из своего странствования первая мышка

– Пускаясь в свет, – начала мышка: – я, как и многие мои ровесницы, воображала, что успела уже проглотить всю житейскую премудрость; как бы не так! Много воды утечёт, пока оно будет так на деле! Я решилась отправиться морем и села на корабль, отплывавший на север. Мне случалось слышать, что корабельный повар должен уметь обойтись малым; да как не обойтись, когда под рукой целые свиные туши, полные бочки солонины и затхлой муки! Что и говорить, стол на корабле прекрасный, но нечего и думать о том, чтобы научиться там варить суп из колбасной

палочки! Много ночей и дней плыли мы; и качало нас, и обдавало солёными брызгами – всего было! Когда же мы, наконец, прибыли куда следовало, я оставила корабль; оказалось, что мы были далеко-далеко от родины, на севере.

А странно в самом деле: покидаешь свой дом, свой насиженный уголок, плывёшь на корабле, где у тебя тоже образуется своего рода уголок, и глядь – очутилась за сотни миль от родины на чужой стороне! Там были дремучие сосновые и берёзовые леса; как сильно пахли эти деревья! Но я не охотница до такого запаха! А лесные и полевые травы испускали такой пряный аромат, что я расчихалась и сейчас же подумала о колбасе. Были тут и большие лесные озёра; вблизи вода в них казалась такою прозрачною, светлою, а издали – чёрною, как чернила. По озерам плавали белые лебеди. Сначала я приняла было их за пену – так неподвижно они лежали на воде, но потом увидела, что они летают и ходят, и узнала их. Они, ведь, из породы гусей, – сразу видно по их походке. Вообще от родни не следует отпираться! И я тоже держалась своей родни – лесных и полевых мышей, но они оказались ужасными невеждами, особенно по части угощения, а, ведь, для чего же я и пустилась в далёкий путь?! Самая мысль о том, что можно сварить суп из колбасной палочки, до того их поразила, что сразу же облетела весь лес. Что же касается осуществления её, то его сочли прямо невозможным. Да, и не думала я, и не гадала, что именно там, да ещё в ту же ночь, меня посвятят в тайну изготовления супа!

Была как раз середина лета, оттого-то в лесу так сильно и пахло, растения испускали такой пряный аромат, озёра были такими прозрачными и вместе с тем такими тёмными, а на них неподвижно лежали белые лебеди. На опушке леса, где стояли три – четыре домика, возвышался шест, вышиною с мачту; верхушка его была украшена венком и лентами. Это был «майский шест».^[1] Девушки и парни плясали вокруг него и пели взапуски со скрипками. Солнышко закатилось, взошла луна, а веселье всё продолжалось. Я в нём участия не принимала; куда уж нашей сестре соваться в танцы! Я сидела себе на мягком мху, крепко держа в лапках свою колбасную палочку. Одно местечко в лесу

было просто залито лунным светом; там стояло дерево, обросшее таким мягким, нежным мхом, как... да, смею сказать, как шкурка самого мышиного царя, но цвета он был зелёного, – просто благодать для глаз! И вдруг, откуда ни возьмись, под деревом появился целый полк прелестнейших малюток, ростом мне по колено! Вообще они были похожи на людей, но куда лучше сложены. Они называли себя эльфами; платья на них были из цветочных лепестков, с отделкой из крылышек мух и комаров, – очень недурно! Видно было, что они ищут чего-то, но чего? Вдруг несколько крошек подошли ко мне, и один, по-видимому, самый знатный из них, указал на мою колбасную палочку и сказал:

– Вот какую нам нужно! Она заострена на конце, как раз подходит!

И чем дольше он смотрел на неё, тем больше восхищался.

– Одолжить – одолжу, но чур – назад попрошу! – сказала я.

– Назад, назад! – сказали все в один голос, взялись за палочку, – я её выпустила из лапок – вприпрыжку добежали с нею до освещённого луной местечка и водрузили её там в травке.

Им тоже хотелось устроить свой «майский шест», и моя палочка подошла им как раз; точно по заказу была сделана! Затем, они принялись убирать её. И преобразилась же моя палочка!

Маленькие паучки опутали её золотыми нитями, прозрачным флёрком и развевающимися знамёнами; они были так нежны, так воздушны, что колыхались от малейшего дуновения ветерка, и так сверкали при свете луны, что просто глазам было больно! А эльфы ещё взяли разноцветной пыли с крыльев бабочек, посыпали ею эти блестящие ткани, и они вмиг загорелись радужными огнями, словно усыпанные бриллиантами! Я просто не узнавала своей колбасной палочки; другого такого майского шеста, в какой превратилась она, наверно, не нашлось бы в целом свете! Вот тут-то я и увидела настоящее великосветское общество эльфов; все они были без платьев, – изящнее наряда и быть не могло. Меня пригласили полюбоваться на праздник, но издали: я была для них слишком велика ростом.

Ну и пошло у них веселье! Сначала как будто зазвенели тысячи стеклянных колокольчиков, потом мне показалось, что запели

лебеди, потом как будто закуковали кукушки, защёлкали дрозды, а под конец стало казаться, что поёт весь лес! Детские голоса, звон колокольчиков и пение птиц – всё сливалось в чудеснейшую мелодию, а инструментом был один майский шест эльфов! Моя колбасная палочка задала целый концерт! Никогда я не думала, чтобы из неё можно было извлечь столько, но всё, видно, зависит от того, в чьи руки попадёт вещь! Я даже растрогалась и заплакала от удовольствия.

Ночь была слишком коротка! Но там в это время года они длиннее не бывают. На заре подул ветерок, зарябил поверхность лесного озера и развеял по воздуху тонкие, воздушные знамёна и флер. Качающихся киосков из паутины, висячих мостов и балюстрад, – или как они там называются – что перекидывались с листка на листок, тоже как не бывало! Шестеро эльфов принесли мне мою колбасную палочку и спросили, нет ли у меня какого-нибудь желания, которое бы они могли исполнить. Я попросила их сказать мне, как готовят суп из колбасной палочки?

– Как мы готовим его? – переспросил самый знатный и засмеялся.

– Да ты, ведь, только что видела это! Ты, пожалуй, едва узнала свою колбасную палочку!

– Вы не так поняли меня! – ответила я и рассказала начистоту, зачем пустилась странствовать по белу свету и чего ожидали от моего странствования у нас, на родине. – Какая польза, – добавила я: – нашему царю и всему нашему славному мышинному царству от того, что я видела всё это великолепие? Ведь, не могу же я потряхнуть своею колбасною палочкой и сказать: «Вот вам палочка, а вот и суп!» А это бы годилось хоть на десерт – после очень сытного обеда!

Тогда эльф опустил свой мизинчик в чашечку голубой фиалки и сказал мне:

– Смотри! Я проведу пальцем по твоему дорожному посоху, и, когда ты вернёшься домой, во дворец мышинного царя, дотронься кончиком палочки до тёплой груди царя – из палочки посыплется фиалки, хотя бы это было среди суровой зимы! Теперь у тебя будет с чем явиться домой! В придачу же...

Но мышка не договорила, что дали ей в придачу, дотронулась до груди царя своею палочкою, и в самом деле из неё дождём

посыпались чудеснейшие фиалки. Благоухали они так сильно, что мышиный царь велел мышам, стоявшим поближе к печке, немедленно сунуть хвосты в огонь, и покурить ими в кухне, а то сил не было выносить благоухание фиалок, – этого сорта духов он не любил.

– Ну, а что же эльфы дали в придачу? – спросил он потом.

– А это, видите ли, так называемый эффект! – Она подняла колбасную палочку кверху, и цветы перестали сыпаться; в руках у мышки была опять голая палочка. Мышка взмахнула ею, как капельмейстер своим жезлом перед началом увертюры. – Фиалки услаждают зрение, обоняние и осязание! – сказала она. – Но нужно ещё удовлетворить слух и вкус!

И вот, она замахала палочкой – в ту же минуту загремела музыка, не такая, как в лесу на празднике эльфов, но какая слышится в кухнях. Вот так потеха пошла! Тут как будто и ветер свистел в трубах, и котлы с горшками кипели и бурлили напропалую, и лопаточка для углей барабанила по медному котлу! Вдруг всё смолкло. Послышалось тихое пение чайного котла... И не разобрать было, начинает ли он только свою арию или уже кончает. Но вот, закипел маленький горшочек, за ним большой, и пошли каждый кипеть по-своему, не обращая внимания друг на друга, – ни дать, ни взять, пустые горшки! А мышка махала своею палочкой всё скорее и скорее: горшки пенились, пузырились, кипели через край, ветер выл, трубы свистели... Жж! Все так перетрусили, что и сама мышка уронила палочку.

– Ну, этот суп не скоро переваришь! – сказал мышиный царь. – А десерта не будет?

– Нет, это всё! – отвечала мышка, приседая.

– Всё? Ну, так послушаем, что скажет нам следующая! – решил мышиный царь.

3. Что сумела рассказать вторая мышка

– Я родилась в дворцовой библиотеке! – начала вторая мышь. – Ни мне, ни моим родным никогда не выпадало на долю счастья попасть в столовую, не говоря уже о кладовой. Я и в кухне-то всего во второй раз в жизни, – первый раз я была здесь, когда

откланивалась перед отъездом. Да, мы таки частенько голодали в библиотеке, но зато поглощали массу знаний. И вот, до нас дошёл слух о царской награде, обещанной за приготовление супа из колбасной палочки. Тогда-то моя бабушка и вытащила на свет Божий одну рукопись; сама бабушка не умела читать, но слышала, как эту рукопись читали вслух. В ней, между прочим, говорилось, что «поэт способен сварить суп из колбасной палочки». Бабушка спросила меня – не поэт ли я? Я отвечала, что в чём другом, а уж в этом-то я неповинна. Тогда бабушка сказала: «Так ступай и постарайся сделаться поэтом!» – А что нужно для этого? – спросила я. Додуматься до этого самой было для меня, ведь, не легче, чем сварить суп! Но бабушка моя слыхивала и об этом и сказала, что поэту прежде всего нужны три вещи: ум, фантазия и чувство! «Ступай и добудь их, а раз ты станешь поэтом, нетрудно будет справиться и с колбасною палочкой!» прибавила бабушка.

Ну, вот, я и пустилась на запад, чтобы сделаться поэтом.

Я знала, что ум вообще главное, фантазия же и чувство не в таком почёте. Поэтому я решилась пуститься прежде всего в поиски за умом. Только где его искать? «Ступай к муравью и поучись у него мудрости!» сказал великий царь Соломон – это я узнала ещё в библиотеке – и я шла, не останавливаясь, пока не наткнулась на муравейник. Тут-то я и наострила уши, чтобы набраться ума.

Очень почтенный народ, эти муравьи! Они – воплощение ума! Вся их жизнь – верно решённая арифметическая задача. «Работать и класть яйца», говорят они, «значит жить настоящим и заботиться о будущем». Так они и поступают. Делятся они на два класса: на благородных и рабочих. Чин же у них всего один, чин первого класса; представительницей его является одна царица их, и только её мнение и считается непогрешимым, – она, как оказывалось, проглотила всю мудрость на свете! Мне это было очень важно узнать. Она говорила так много и так умно, что, по-моему, выходило просто глупо. Она говорила, что их куча выше всего на свете, но рядом с кучей росло дерево, куда выше! Этого нельзя было даже отрицать, и потому об этом вовсе умалчивалось. Но раз вечером один муравей заблудился на том

дереве и вполз по стволу его хоть и не до самой вершины, но всё же выше, чем вползал раньше кто-либо из его муравейника. Повернув назад и добравшись, наконец, до дому, он поспешил рассказать, что есть кое-что и повыше их муравейника! Но муравьи нашли, что он оскорбляет своим рассказом всё общество, надели на него намордник и присудили к продолжительному одиночному заключению. Вскоре случилось побывать на том же дереве другому муравью; он сделал то же самое открытие и начал докладывать о нём обществу, но более рассудительно и туманно, чем первый. Этот муравей был всеми уважаем, принадлежал к числу благородных – ему и поверили, а когда он умер, даже поставили ему памятник из яичной скорлупы, – всё из уважения к науке. Видела я тоже, – продолжала мышка: – что муравьи постоянно носятся со своими яичками на спине. Случилось одному из них потерять своё. Батюшки, как хлопотал он, чтобы как-нибудь опять взвалить его на спину! Но дело всё не ладилось; тогда явились на помощь двое других и с таким жаром принялись помогать товарищу, что чуть было сами не потеряли своих яичек; но тут они сразу оставили всякое попечение: своя шкурка, ведь, ближе к телу! И царица их объявила, что в данном случае было выказано и сердце, и ум. «А эти две вещи ставят нас, муравьёв, во главе всех разумных творений! Но ум всё-таки должен преобладать, и я умнее всех!» Тут она приподнялась на задние лапки и сразу бросилась мне в глаза; ошибки быть не могло – я и проглотила её. Сказано: «ступай к муравью и поучись у него мудрости» – а я запаслась теперь самую царицей муравьёв!

Потом я подошла поближе к упомянутому высокому дереву. Это был старый, могучий развесистый дуб. Я знала, что в ветвях каждого дерева живёт одно существо, женщина, «дриада», как её зовут. Она рождается и умирает вместе с деревом. Я слышала об этом ещё в библиотеке. И вот, передо мною стояло дерево, а в ветвях его сидела дриада. Она вскрикнула от испуга, увидав меня так близко, – она, как и все женщины, очень боялась мышей, да у неё и были на то причины: я могла, ведь, перегрызть ствол дуба, так что жизнь её, так сказать, висела на волоске! Но я заговорила с ней ласково, приветливо, и она ободрилась, даже взяла меня на руки, а узнав, почему я отправилась

странствовать по белу свету, обещала доставить мне случай – может быть даже в этот самый вечер – обрести одно из двух искомых сокровищ: фантазию. Она рассказала мне, что гений Фантазии – её добрый друг, что он прекрасен, как сам бог любви и часто отдыхает в тени её дерева, убаюкиваемый шелестом листьев, – они шумят в эти минуты сильнее обыкновенного. Он зовёт её своею дриадой, рассказывала она, а дерево – своим любимым деревом. Сучковатый, могучий красавец-дуб пришёлся ему по душе: корни дуба так глубоко и крепко сидят в земле, а ствол и вершина возносятся высоко-высоко к небу и знакомы и со снежной вьюгой, и с резкими ветрами, и с ясным солнечным светом. Потом дриада прибавила: «Птицы гнездятся в ветвях моего дерева и поют нам о чужих странах, а на единственной засохшей ветви свил себе гнездо аист, – это и красит дерево, и даёт случай узнать кое-что о стране пирамид! Всё это как нельзя больше по душе гению Фантазии, но ему и этого всего мало, и он заставляет меня рассказывать ему о жизни в лесу с того времени, как я была ещё крошкой, а дуб таким маленьким ростком, что его могла заглушить крапива. Я должна рассказывать ему всю нашу жизнь вплоть до настоящего времени, когда мы с дубом достигли полного расцвета и красоты. Присядь же тут под диким яминником и карауль: как только гений Фантазии придёт, я улучу минутку, вытащу у него из крыла одно пёрышко и дам тебе. А уж больше этого не получить ни одному поэту! Так хватит и с тебя!»

– И гений Фантазии явился, пёрышко было вытащено, и я схватила его! – продолжала мышка. – Я подержала его в воде, пока оно не размякло, и всё-таки трудновато было с ним сладить! Ну, да я сладила, всё изгрызла! Да, не легко догрызться до звания поэта! Переварить-то сколько приходится! Теперь во мне были и ум, и фантазия, и они-то мне и подсказали, что третью вещь я найду в библиотеке. Один великий человек сказал и даже написал, что есть такие романы, которые только для того и существуют, чтобы освобождать людей от лишних слёз, иными словами, являются чем-то вроде губок для вбирания в себя чувств. Я даже помнила пару таких книг; они всегда особенно возбуждали мой аппетит, – такие они были истрёпанные,

засаленные; должно быть, они восприняли в себя целое море чувств!

Я вернулась домой, в библиотеку, и живо проглотила почти целый роман, то есть более существенную часть, мякоть, а корки, переплёт оставила. Когда я переварила этот роман и ещё один, я уже почувствовала, как внутри меня что-то зашевелилось, когда же поела ещё немножко из третьего – стала поэтом. Я сказала это самой себе и повторила другим. У меня болела и голова, и все внутренности и не знаю уж, что только во мне не болело! Тут я стала придумывать, какие истории можно было бы привести в связи с колбасною палочкой, и в мыслях у меня так и заскакали разные палочки, – муравьиная царица, как видно, была необыкновенно умна! Я вспомнила и о человеке, которому стоило взять в рот белую палочку, чтобы сделаться невидимкой, и многие другие истории, пословицы и поговорки, в которых упоминается о палочках. Все мои мысли повисли на этих палочках! И о каждой можно сочинить стихи, если ты поэт, а я – поэт, я добилась этого звания собственными зубами! Так вот, я ежедневно могу угощать вас палочкой – историей. Вот каков мой суп!

– Посмотрим, что скажет нам третья? – проговорил мышиный царь.

– Пи-пи! – послышался вдруг писк за дверью, и в кухню стрелой влетела четвёртая мышка, которая считалась погибшею. Она опрокинула палочку с флёром и объявила, что бежала день и ночь, ехала по железной дороге с товарным поездом, – случай такой выдался – и всё-таки чуть-чуть не опоздала. Она протолкалась вперёд; вид у неё был довольно растрёпанный; палочку свою она потеряла, но язык – нет, и в ту же минуту принялась им работать, словно её только и ждали, её и готовились слушать, а до всего остального никому в свете не было и дела. Она спешила высказаться. Явилась она так неожиданно, что никто не успел и рта разинуть, и с мыслями собраться, а она уж говорила.

Послушаем!

4. Что сумела рассказать четвёртая мышка, говорившая раньше третьей

– Я прямо направилась в самый большой город! – тараторила она.

– Имени его не упомяну, я вообще плохо запоминаю имена. Приехала я по железной дороге, а с вокзала меня, вместе с конфискованными товарами, отвезли в ратушу. Там я подбежала к тюремщику. Он рассказывал о своих заключённых, особенно об одном, который сидел за свои необдуманные слова. Об этих словах и толковали, и совещались, и читали, и писали!.. «Ай всё-то дело – суп из колбасной палочки! Но как бы бедняге не поплатиться за него головой!» прибавил тюремщик. Конечно, я заинтересовалась этим заключённым, улучила минутку, да и прошмыгнула к нему: как ни запирай двери, всегда останется мышиная лазейка! Какой он был бледный, бородатый! Большие глаза так и горели. Лампа чадила, но стены уж привыкли к этому и больше не чернели. Заключённый чертил на них разные рисунки и стихи – белым на чёрном; я их, впрочем, не читала. Скучно ему, я думаю, было, и я явилась желанною гостьей. Он стал приманивать меня хлебными крошками, принялся насвистывать и ласково уговаривать меня; он так рад был мне! Я почувствовала к нему доверие, и мы скоро стали друзьями. Он делился со мной хлебом и водою, давал мне сыру и колбасы, словом, жилось мне привольно, но, главным образом, признаюсь, привязало меня к нему хорошее обращение. Он позволял мне бегать по своей ладони, по руке, забираться в рукав, цепляться за бороду и звал меня своим маленьким другом. И я его полюбила, – это, кажется, всегда бывает взаимно. Я забыла даже цель своего путешествия, а колбасную палочку свою оставила в щели в полу; там она и по-сейчас! Я и не желала никуда уходить оттуда, – уйди я, у бедняги не осталось бы никого на свете, а это уж больно мало! Я и осталась, но он-то не остался! Как печально он говорил со мною перед разлукою! Дал мне двойную порцию хлеба и сырной корки, послал мне воздушный поцелуй, ушёл... и больше не вернулся! Я не знаю его истории. «Суп из колбасной палочки» говорил сторож, я и отправилась к нему. Но не следовало бы мне доверяться ему! Он, правда, взял меня на руки, но потом засадил в клетку, в колесо! Один ужас! Бежишь, бежишь, а всё ни с места, только смеются над тобою!

Но у тюремщика была внучка, прелестная крошка с золотыми

кудрями, весёлыми глазками и смеющимся ротиком. «Бедная мышка!» сказала она, заглянув в мою гадкую клетку, открыла дверцу – я прыг на подоконник, а оттуда на крышу. «Опять на воле! Опять на воле!» только это и вертелось у меня в голове, а цель путешествия вылетела.

Темно было; дело шло к ночи, я и заночевала в старой башне. Тут жил сторож и сова. Я решила не доверяться ни тому, ни другой – особенно ей! Она похожа на кошку и очень ошибается, полагая, что мышей следует есть! Но всем свойственно ошибаться, ошиблась и я: сова оказалась почтенною, в высшей степени образованною старушкой. Она знала побольше самого сторожа, столько же, сколько я! Совята привязывались к каждому слову, к каждой вещи, заводили споры и разговоры. «Полно вам стряпать суп из колбасной палочки!» говорила им мать, – строже этого она уж выразиться не могла, – она была такою любящею мамашей. Я почувствовала к ней доверие и пискнула из щели, где сидела. Доверие это её тронуло, и она пообещала мне своё покровительство: ни один зверь не смел теперь меня съесть, это сова брала на себя – зимою, когда кормы будут плохие.

Умница она была большая! Она доказала мне, что сторож не мог завывать без помощи рога, который всегда висел у него через плечо. «А он-то чванится, воображает себя совою в башне! Высоко залетает, да низко садится! Суп из колбасной палочки и больше ничего!» добавила сова.

Я сейчас же попросила у неё рецепт этого супа, и вот что она сказала мне:

– Суп из колбасной палочки – только поговорка людская, её понимают на разные лады, и всякий думает, что он-то как раз понимает её вернее всех. В сущности же суп из колбасной палочки – один пуф!^[1]

– Пуф! – сказала я. Я была поражена. Истина не всегда бывает приятной, но всё-таки она выше всего! То же сказала и старуха-сова. Я обдумала дело и поняла, что если я принесу домой самое высшее, я принесу побольше, чем суп из колбасной палочки. И я заспешила изо всех сил, чтобы успеть вовремя принести домой самое высшее и лучшее – истину. Мыши – народ просвещённый,

мышинный царь стоит во главе его и способен сделать меня царицей во имя истины!

– Твоя истина – ложь! – сказала третья мышь, которой ещё не дали говорить. – Я могу сварить суп из колбасной палочки и сварю!

5. Как был сварен суп

– Я не рыскала по белу свету! – продолжала третья мышь. – Я оставалась дома, оно и вернее. Нечего ездить за границу, – всему не хуже можно выучиться и здесь! Я осталась, и то, что я знаю теперь, я узнала не от сверхъестественных существ, не выгрызла из книг, не выпытала от сов; нет, я дошла до всего собственным умом. Прикажите поставить котёл на плиту!.. Теперь налейте воды! Полнее, до самых краёв!.. Разведите огонь!.. Пусть вода закипит ключом!.. Теперь палочку в воду! А затем не угодно ли мышинному царю опустить в кипяток свой хвост и помешивать им суп! Чем дольше будет царь мешать суп, тем крепче выйдет навар. Затрат никаких, приправ тоже, только – мешать и мешать!

– Нельзя ли мешать кому-нибудь другому? – спросил мышинный царь.

– Нет! – ответила мышь. – Вся сила в хвосте мышинного царя!

Вода закипела, мышинный царь примостился поближе – небезопасно таки было! – и вытянул хвост, словно собирался снять им устой со сливок и потом облизать его, как это часто делают в молочных ловкие мышки. Но едва он сунул хвост в горячий пар – подпрыгнул и соскочил на пол.

– Разумеется, ты будешь моею царицей! – вскричал он. – Суп же погодим варить до нашей золотой свадьбы, – бедным, по крайней мере, будет чего ожидать, чему радоваться, да ещё как долго!

И вот, сыграли свадьбу. Но некоторые из мышей, вернувшись домой, сказали:

– Какой же это суп из колбасной палочки? Это скорее суп из мышинного хвоста!

Кое-что из рассказанного они одобряли, но в общем всё могло, по их мнению, быть иначе!

– Я бы рассказала это вот так-то и так-то! – рассуждала каждая.

Это была уж критика, а критика всегда, ведь, бывает так умна – задним числом.

История эта обошла весь свет; мнения о ней разделились, но сама она уцелела, а это самое главное и в больших, и в малых вещах, даже в супе из колбасной палочки; не надо только ожидать за него благодарности!

^[1]Майское дерево – украшенное дерево или высокий столб, который по традиции устанавливается ежегодно к первому мая.

^[2]Пуф – здесь, ложное известие, нелепая выдумка, надувательство.

 Загрузка...